

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

№ 4(65) Март 2018 г.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ.....	3
1. ИНФЛЯЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТ ЗАМЕДЛЯТЬСЯ (А.Божечкова, П.Трунин)	6
2. ЭКСПОРТ И ИМПОРТ ДЕМОНСТРИРУЮТ РОСТ (А.Кнобель, А.Фиранчук).....	9
3. КАКОЙ КУРС РУБЛЯ НУЖЕН РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 2018 ГОДУ (С.Цухло).....	16
4. БАНКОВСКИЕ ВКЛАДЫ И КРЕДИТОВАНИЕ В ЯНВАРЕ 2018 ГОДА: НЕТИПИЧНАЯ ДИНАМИКА (М.Хромов)	20
5. АДАПТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ НАСЕЛЕНИЯ В 2017 ГОДУ (Е.Авраамова, Д.Логинов)	22
АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА	25

Мониторинг подготовлен коллективом экспертов Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара (Института Гайдара), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Минэкономразвития России.

Редколлегия: Дробышевский С.М., Кадочников П.А., Мау В.А., Синельников-Мурылев С.Г.

Редакторы: Гуревич В.С., Колесников А.В.

Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2018. № 4 (65). Март / Авраамова Е., Божечкова А., Кнобель А., Логинов Д., Трунин П., Фиранчук А., Хромов М., Цухло С. Под ред. Гуревича В.С., Дробышевского С.М., Кадочникова П.А., Колесникова А.В., Мау В.А., Синельникова-Мурылева С.Г.; Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 25 с. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2018_4-65_March.pdf

При частичном или полном использовании материалов ссылка на источник обязательна.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ

Если об источниках ресурсов для будущего развития в Послании президента Федеральному собранию сказано совсем немного, то об одном из условий этого развития – достаточно, чтобы сделать вывод: сформированная в России «новая макроэкономическая реальность» не должна подвергаться сомнению, о каких бы социально-экономических и военных планах ни шла речь. Ключевым элементом и проявлением этой реальности служит низкая инфляция.

Можно без труда воспроизвести озвучивавшиеся в последние годы разные планы, способные эту реальность довольно быстро разрушить, либо представить, что новые планы тоже могут воплощаться слабо совместимым с нею образом. Однако на сегодня эта реальность является фактом, а низкая инфляция находится высоко в рейтинге государственных приоритетов.

Наши эксперты указывают на продолжающееся замедление инфляции в РФ. В январе она составила 0,3% (в январе 2017 г. – 0,6%), а в годовом выражении опустилась на новый исторический минимум (2,2%). Предварительные данные за февраль подтверждают эту тенденцию. Наибольший вклад в торможение цен вносило замедление продовольственной инфляции (до 0,7% в первый месяц года по отношению к январю прошлого года), однако снизился рост цен и в непродовольственном сегменте, и в сфере услуг, правда, цены в сфере образования и дошкольного воспитания росли опережающими темпами. Январское укрепление рубля также играло в пользу снижения инфляции. Продолжает снижаться базовая инфляция (не включает изменение цен, связанное с сезонными и административными факторами) – она составила в январе 1,9% к январю прошлого года. И этот факт служит свидетельством устойчивости процесса замедления инфляции.

Снижение в феврале ключевой ставки ЦБ РФ до 7,5% рассматривается как продолжение постепенного перехода регулятора от умеренно жесткой к нейтральной монетарной политике (т.е. не направленной ни на замедление, ни на ускорение инфляции). Прогнозируется, что на горизонте полутора-двух лет ставка будет доведена до уровня 6–7%. Потенциальные инфляционные риски внутри страны связаны с восстановлением потребительского спроса, а на внешнем периметре уже традиционно – с возможностью ослабления рубля в результате ужесточения политики ФРС, введения новых санкций и снижения цен на энергоресурсы.

Внешнеторговые итоги прошедшего года, и, прежде всего, возросшие поступления от энергетического экспорта, сыграли важную роль в стабильном поведении национальной валюты. Рассматривая итоги 2017 г., эксперты констатируют практически синхронный рост и экспорта, и импорта (соответственно на 25 и 24,5%). Причем топливно-энергетический экспорт, превысивший 211 млрд долл., несколько опередил

общую динамику экспорта (увеличение за год на 27,2%). Тем не менее он еще очень далек от предкризисных показателей (лишь 57% от уровня 2013 г.), в то время как экспорт прочих товаров практически восстановил прежние объемы. Что касается импорта, то сохраняется устойчивая корреляция его объемов с курсом рубля к доллару, который остается в России крайне важным фактором формирования спроса на импорт.

Эксперты Института Гайдара, ведущие регулярный мониторинг настроений промышленных предприятий, подтверждают результаты своих предыдущих исследований, которые свидетельствуют, что российская промышленность по большей части предпочитает более сильный рубль. Они упоминают, что еще в феврале 2015 г. укрепление рубля вышло на 1-е место в рейтинге желаемых предприятиями антикризисных мер. Это побудило тогда исследователей включить в свои опросы изучение отношения предприятий к изменению курса рубля.

По сути, единственный фактор, который делает сегодня желательным для предприятий ослабление рубля от текущих (декабрь 2017 г.) значений, – это потенциальный рост экспортного спроса на их продукцию. Тем не менее более слабый рубль стимулировал бы в 2018 г. рост экспортного спроса только у четверти производителей. 37% предприятий вообще не рассчитывают на сбыт за рубежом, а 22% заинтересованы не в слабом рубле, а в стабильном его курсе, что облегчало бы планирование экспортной деятельности. Практически во всех иных отношениях российские предприятия нуждаются как раз в укреплении рубля. Более сильным рубль в 2018 г. хотели бы видеть 54% предприятий, которые рассчитывают понизить свои издержки (21% считают, что их издержки не зависят от обменного курса). 48% полагают, что укрепление национальной валюты помогло бы им в осуществлении инвестиций (20% считают для инвестиций достаточным просто сохранение валютного курса на стабильном уровне). И, наконец, 38% предприятий полагают, что более крепкий рубль будет способствовать росту внутреннего спроса (лишь 7% желали бы в этой связи ослабления рубля). Несмотря на устойчивое представление многих чиновников и экспертов о желательности ослабления рубля для развития промышленности, отмечают наши эксперты, сами предприятия демонстрируют весьма устойчивые предпочтения в пользу более крепкого рубля.

Укрепление рубля к доллару сыграло определенную роль в том, что в январе 2018 г. банковские депозиты населения сократились более чем на 0,5 трлн руб. (с рекордных 26,1 до 25,6 трлн) – изменение курса обусловило уменьшение рублевого эквивалента валютных сбережений. Однако основная часть январского оттока вкладов физических лиц пришла на рублевые счета и депозиты (в то время как валютные вклады, выраженные в долларах, даже выросли с 93,3 до 94,5 млрд долл.). Причем по сравнению с январем 2017 г. отток вкладов вырос более чем втрое. Одновременно в начале 2018 г. наблюдается высокая активность банковского кредитования населения, хотя, отмечают эксперты, традиционно в этом месяце наступает затишье (в январе годом ранее задолженность населения перед банками сократилась на 48 млрд руб., а теперь – выросла на 82 млрд).

Причину такой нестандартной динамики эксперты видят в попытках населения поддержать свой уровень жизни в условиях падения доходов. По оценкам Института Гайдара, в январе номинальный уровень доходов

сократился на 3,5% (по сравнению с тем же периодом прошлого года), что соответствует реальному падению доходов почти на 6%. В то же время расходы на потребление в 2018 г. продолжали расти. Подобное соотношение и было обеспечено сокращением сбережений населения, а также ростом его кредитной активности.

Размер текущих доходов и сбережений, наличие второго жилья и профессионального образования, а также включенность в социальные связи были отнесены к основным ресурсам адаптации в рамках исследований адаптационных стратегий населения, проводившихся экспертами ИНСАП РАНХиГС в 2017 г. Речь идет в том числе об оценке возможностей адаптации различных групп населения к текущей экономической ситуации и анализе самих стратегий поведения. Наши исследователи приходят к выводу, что высоким потенциалом адаптации, по выделенным ими критериям, обладает 20,4% населения, 40,4% – средним и 39,2% – низким. При этом у большинства обладающих высоким потенциалом материальное положение в последние 2–3 года не ухудшилось, а примерно у трети даже улучшилось, в то время как почти половина обладателей низкого потенциала отметили ухудшение своего положения.

К тому, что определяется как «адаптационная стратегия», отнесены поведение в сфере сбережений и инвестиций, сверхурочная и дополнительная занятость, смена работы и профессионального статуса, миграция, ведение личного подсобного хозяйства (ЛПХ) и др. Исходя из полученных данных эксперты пришли к выводу, что какое-либо адаптационное поведение отсутствует у 37% опрошенных, активное поведение характерно для 29,2% населения, активная адаптация, дополненная использованием ЛПХ, – для 23%, а 10,8% активизировали использование ЛПХ, не задействовав иные виды адаптации. ●

1. ИНФЛЯЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТ ЗАМЕДЛЯТЬСЯ

А.Божечкова, П.Трунин

В январе 2018 г. инфляция достигла исторического минимума в 2,2% к январю 2017 г., а Банк России продолжил смягчение монетарной политики, снизив ключевую ставку на 0,25 п.п. до 7,5%. При отсутствии проинфляционных шоков инфляция в текущем году может вновь оказаться ниже целевого значения ЦБ РФ.

На первом в 2018 г. заседании совета директоров Банка России, состоявшемся 9 февраля, было принято решение о снижении ключевой процентной ставки на 0,25 п.п. – до 7,5%. Тем самым ЦБ РФ продолжил постепенный переход от умеренно жесткой к нейтральной монетарной политике (т.е. не направленной ни на замедление, ни на ускорение инфляции). Принятому решению способствовали стабилизация инфляции на относительно низком уровне и снижение инфляционных ожиданий. Напомним, что начиная с июля 2017 г. инфляция находится ниже целевого уровня (4%), и степень ее отклонения от него увеличивается.

По итогам января 2018 г. инфляция составила 0,3% (0,6% в январе 2017 г.). В годовом выражении она обновила исторический минимум, составив 2,2% (5,0% в январе 2017 г. к январю 2016 г.) (рис. 1). За 19 дней февраля инфляция составила 0,2% (0,2% за февраль 2017 г.).

Наибольший вклад в замедление инфляции внесла динамика цен на продовольственные товары (0,7% в январе 2018 г. по отношению к январю 2017 г. по сравнению с 1,1% в декабре 2017 г. по отношению к декабрю 2016 г.). Однако, по всей видимости, в ближайшие месяцы по мере исчерпания запасов сельскохозяйственной продукции темп роста цен на товары данной группы ускорится. Темп прироста цен на непродовольственные товары также замедлился с 2,8% в декабре 2017 г. к декабрю 2016 г. до 2,6% в январе 2018 г. к январю 2017 г. Платные услуги населению подорожали в январе текущего года на 3,9% по сравнению с январем 2017 г. (4,4% в декабре 2017 г. по отношению к декабрю 2016 г.). Заметный вклад в удорожание платных услуг вносил рост цен на услуги образования (на 7,5%), связи (4,7%), зарубежного туризма (4,7%) и дошкольного воспитания (4,7%).

В январе продолжилось замедление базовой инфляции (без учета изменения цен, связанных с сезонными и административными факторами). Так, в январе 2018 г. базовая инфляция составила 1,9% к январю 2017 г. (2,1% в декабре 2017 г.

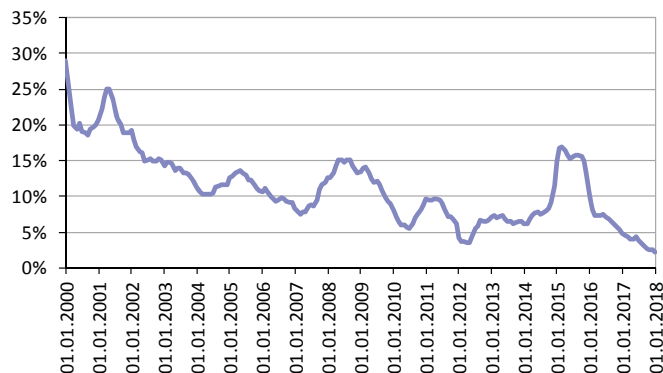

Рис. 1. Темп прироста ИПЦ в 2011–2018 гг., % за предыдущие 12 месяцев

Источник: Росстат.

1. ИНФЛЯЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТ ЗАМЕДЛЯТЬСЯ

к декабрю 2016 г.), что служит свидетельством устойчивости процесса замедления инфляции.

Инфляционные ожидания населения в январе несколько увеличились после продолжительного снижения в 2017 г. Их медианное значение на год вперед, по опросу «ИнФОМ», публикуемому Банком России, составило 8,9% в январе 2018 г. (8,7% в декабре 2017 г.). Оценки ЦБ РФ, полученные на основе опроса респондентов о предполагаемом изменении инфляции, свидетельствуют о сохранении инфляционных ожиданий населения на низком уровне. Так, вероятностная оценка инфляции в январе составила 2,3%, оказавшись ниже аналогичного показателя за декабрь на 0,1 п.п.

В целом, на наш взгляд, при отсутствии сильных негативных шоков в 2018 г. инфляционные ожидания продолжат снижение, а сама инфляция, по всей видимости, окажется ниже целевого уровня ЦБ РФ, несмотря на постепенное снижение ключевой ставки.

Замедлению инфляции способствует и ситуация на российском валютном рынке (рис. 2). За январь 2018 г. рубль укрепился по отношению к доллару на 2,3%, опустившись до 56,29 руб. за доллар (в целом за 2017 г. рост номинального курса рубля к доллару составил 5,1%). Укрепление рубля преимущественно связано с ростом цен на энергоносители, а также с повышенным спросом на российские активы, в особенности государственные и корпоративные облигации, со стороны нерезидентов.

Тем не менее риски ослабления рубля по-прежнему значительны. В США продолжает расти добыча сланцевой нефти, что может привести к новому снижению цен на энергоносители. Кроме того, ожидания инвесторов в отношении ужесточения денежно-кредитной политики США и связанная с этим неопределенность относительно конъюнктуры

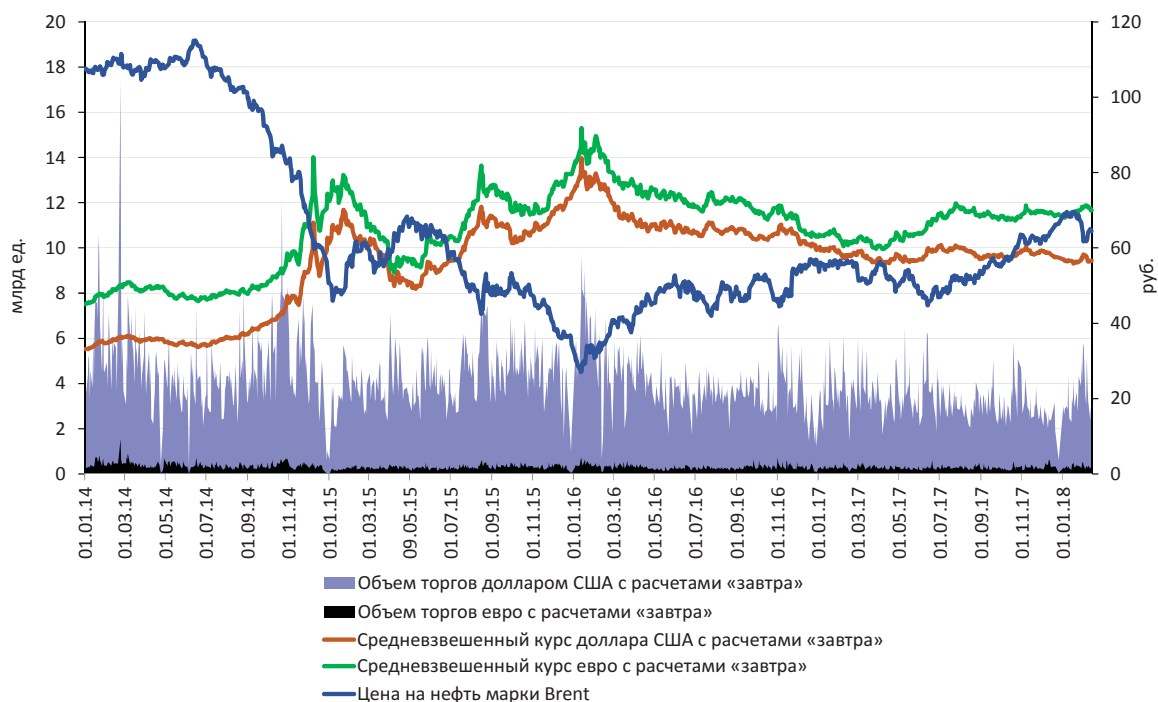

Рис. 2. Динамика биржевых курсов доллара и евро к рублю, объем торгов на валютном рынке, цена на нефть марки Brent

Источник: ЦБ РФ, Финам.

глобальных финансовых рынков формируют риски оттока капитала из России. Пример возможной реализации таких рисков наблюдался в конце января – начале февраля текущего года, когда с 25 января по 9 февраля российские фондовые индексы снизились на 5–10%, а рубль подешевел на 2,3%, до 57,7 руб. за доллар. Наконец, по-прежнему высока вероятность принятия новых санкций против РФ.

Внутренним источником инфляционных рисков остается восстановление потребительского спроса, поддерживаемого ростом реальной заработной платы в условиях замедления инфляции (кроме того, растут потребительские кредиты¹). Так, в 2017 г. темп прироста реальной заработной платы составил 3,4%. Помимо этого, с апреля 2017 г. наблюдалось увеличение оборота розничной торговли, достигшее в среднем в апреле-декабре 2,0% по отношению к аналогичному периоду 2016 г., что, по всей видимости, обусловлено ростом потребительского кредитования.

Отмеченные факторы заставляют ЦБ РФ осторожно подходить к смягчению денежно-кредитной политики. Мы полагаем, что регулятор постепенно доведет ключевую ставку до нейтрального уровня 6–7% на горизонте полутора-двух лет. ●

1 См. статью М. Хромова в этом выпуске «Мониторинга экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития».

2. ЭКСПОРТ И ИМПОРТ ДЕМОНСТРИРУЮТ РОСТ

А.Кнобель, А.Фиранчук

Экспорт топливно-энергетических товаров в 2017 г. относительно 2016 г. вырос на 27% (57% от уровня 2013 г.). Экспорт прочих товаров увеличился на 22%, практически вернувшись к докризисным показателям (94% от уровня 2013 г.). Рост экспорта топливно-энергетических товаров, металлов, каучука и древесины в первую очередь связан со значительным улучшением ценовой конъюнктуры, а рост экспорта минеральных удобрений и зерна – с ростом физических объемов.

Импорт за год увеличился на 25%, что вызвано ростом как цен импорта, так и физических объемов поставок. Укрепление реального курса рубля оказало положительное влияние на объемы импорта.

В 2017 г. экспорт в стоимостном выражении значительно вырос относительно уровня 2016 г. (рис. 1): в 2017 г. он увеличился до 357,1 млрд долл. (125,0% от уровня 2016 г.). Экспорт топливно-энергетических товаров вырос на 27,2%, составив 211,5 млрд долл. Схожую динамику продемонстрировал экспорт прочих товаров, увеличившийся на 21,9%, до 145,6 млрд долл.

Тем не менее экспорт топливно-энергетических товаров остается значительно ниже докризисного (57,0% от уровня 2013 г.), а экспорт прочих товаров практически вернулся к уровню 2013 г. (93,8%) (рис. 2). В прошлом году совокупный экспорт составил 2/3 от уровня 2013 г. (67,9%), что значительно лучше показателей 2016 г. (тогда совокупный экспорт составлял лишь 54,3% от уровня 2013 г.).

Импорт в стоимостном выражении в 2017 г. также увеличился примерно на четверть, составив 227,0 млрд долл. (124,5% от уровня 2016 г.) (рис. 3). Это составляет почти три четверти от докризисных объемов импорта (72,0% от уровня 2013 г.) (рис. 2).

Курс рубля

В 2017 г. сохранилась устойчивая положительная корреляция курса рубля

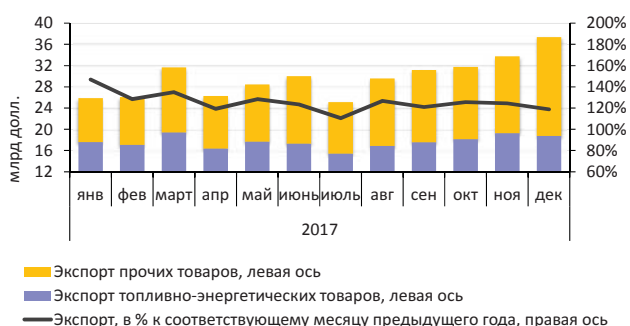

Рис. 1. Динамика экспорта России в 2017 г.
Источник: расчеты авторов на основе данных ФТС России.

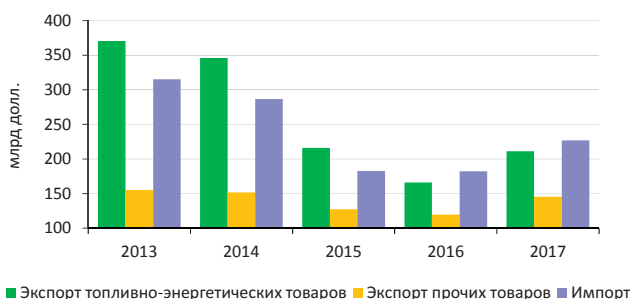

Рис. 2. Динамика экспорта и импорта России в 2013–2017 гг.
Источник: расчеты авторов на основе данных ФТС России.

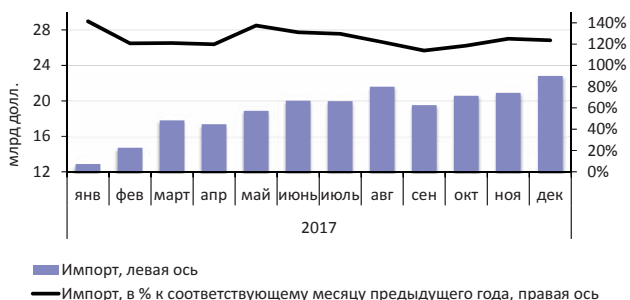

Рис. 3. Динамика импорта России в 2017 г.
Источник: расчеты авторов на основе данных ФТС России.

к доллару и стоимостных объемов импорта (в долл.) (рис. 4). Таким образом, можно говорить, что курс рубля продолжает оставаться важнейшим фактором, определяющим спрос на импорт в России¹. Коэффициент корреляции индекса стоимостных объемов импорта (в % к соответствующему месяцу 2013 г.) и индекса реального курса рубля к доллару (в % к соответствующему месяцу 2013 г.) в 2014–2017 гг. составил 0,93. Единственный случай значимого расхождения в динамике курса рубля и импорта произошел весной 2015 г.

Следует отметить, что курс рубля существенно зависит от цен на основные (сырьевые) товары российского экспорта, что вместе с ярко выраженной корреляцией курса рубля и объема импорта приводит к почти синхронному движению экспорта и импорта России². При этом, поскольку стоимостные объемы экспорта значительно превышают стоимостные объемы импорта, синхронная динамика этих показателей означает увеличение положительного сальдо торгового баланса при росте торговли (что имело место в 2017 г. по сравнению с 2016 г.) и его сокращение при снижении объемов экспортных поставок (что, например, отмечалось в 2015 г. по сравнению с 2014 г.). Если же говорить о сальдо счета текущих операций, то оно определяется, главным образом, еще балансом торговли услугами и балансом инвестиционных доходов³.

Индекс стоимостных (долларовых) объемов совокупного экспорта, за исключением топливно-энергетических товаров, и индекс реального курса рубля к доллару в 2014–2017 гг. имели значительную положительную корреляцию с коэффициентом 0,62 (рис. 5). Аналогичная корреляция для экспорта машин, оборудования и транспорта равна 0,40. Следовательно, можно констатировать, что ослабление

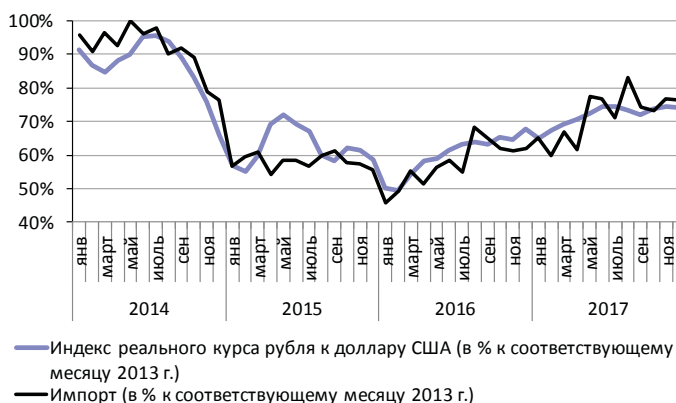

Рис. 4. Динамика импорта и реального курса рубля в 2014–2017 гг.

Источник: расчеты авторов на основе данных ФТС России и Центрального Банка.

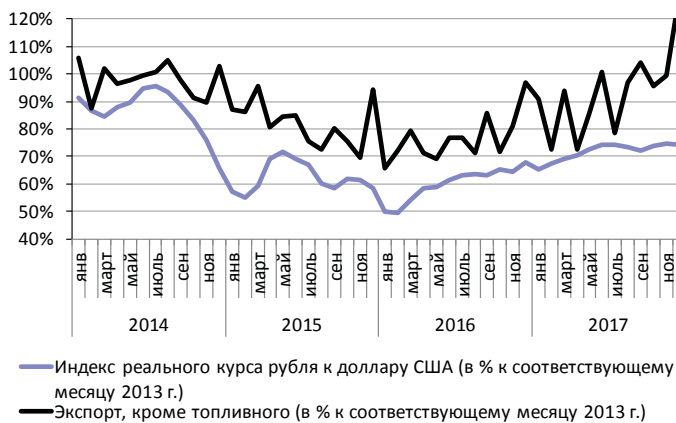

Рис. 5. Динамика нетопливного экспорта и реального курса рубля в 2014–2017 гг.

Источник: расчеты авторов на основе данных ФТС России и Центрального Банка.

1 Сравнение динамики импорта из стран дальнего зарубежья и динамики номинального курса рубля см: Кнобель А. Внешняя торговля: падение экспорта обусловило снижение торгового сальдо // Экономическое развитие России. 2016. № 5. С. 16–18.

2 Синхронность динамики российского экспорта и импорта отмечалась и ранее, см.: А.Кнобель, А.Фиранчук Экспорт-импорт: почти синхронное падение // Экономическое развитие России. 2015. № 12. С. 44–47.

3 Подробно анализ платежного баланса за 2017 г. см. А. Божечкова, А.Кнобель, П.Трунин. Платежный баланс РФ в 2017 г. // Экономическое развитие России. 2018. № 2. С. 8–11.

реального курса рубля и, соответственно, снижение долларовых экспортных цен, не привело к превосходящему росту физических объемов экспорта машин и оборудования.

Цены экспорта

Из *табл. 1* видно, что для всех крупных товарных групп экспорта (выделяемых ФТС) произошло повышение экспортных цен (кроме минеральных удобрений), а также наблюдались разнонаправленные изменения физических объемов экспорта. При этом рост цен оказал более сильное влияние на стоимостные объемы экспорта, чем колебания физических объемов.

Рост экспорта *топливно-энергетических* товаров (на 27,4%) объясняется значимым увеличением экспортных цен (на 9–39%) и разнонаправленной динамикой физических объемов экспорта: снизился экспорт нефти и нефтепродуктов на 1 и 5% соответственно и увеличился экспорт природного газа на 6% (*табл. 1*).

Увеличение физических объемов экспорта зерна (пшеницы и меслина) в 2017 г. (на 30%) позволило значимо нарастить стоимостные объемы экспорта (на 37%). Фактор увеличения экспортных цен (на 5%) также оказался значимым. В целом экспорт товарной группы *продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье* в стоимостном выражении вырос на 21,5%.

Экспорт *химической продукции* увеличился на 15,2%, что является самым слабым показателем среди всех товарных отраслей (выделяемых по классификации ФТС), за исключением кожевенного сырья (рост на 9,2%). Изменение экспортных цен на минеральные удобрения было разнонаправленным (от -7% до +7%), цена на аммиак практически не изменилась (рост на 1%), но значительно увеличилась стоимость каучука синтетического (на 30%), что связано с повышением цен на сырье. Физические объемы экспорта минеральных удобрений и каучука выросли, а аммиака – снизились.

Эффект от роста цен на *древесную и бумажную продукцию* (от 3 до 16%) вместе с положительной в целом динамикой физических объемов привели к росту стоимостных объемов экспорта этой товарной отрасли на 20,7%.

Стоимостной объем экспорта *металлов* увеличился значительно всего (на 28,1%) среди всех товарных отраслей (за исключением «прочих товаров»). Экспортные цены на черные металлы значительно выросли (от 10 до 48%). Также выросли цены на медь (на 31%), никель (11%) и алюминий (19%). При этом физические объемы экспорта металлов, кроме меди, снизились на 2–27%.

Увеличение стоимостных объемов экспорта энергетических товаров, металлов, каучука и древесины в первую очередь связано со значительным улучшением ценовой конъюнктуры¹, а увеличение стоимостных объемов экспорта минеральных удобрений и зерна – с ростом физических объемов.

1 Превалирующее влияние ценовой конъюнктуры на стоимостные объемы экспорта по сравнению с изменением физических объемов поставок наблюдалось и в предыдущем году, см.: А.Кнобель, А. Фиранчук. Внешняя торговля в 2016 г. // Экономическое развитие России. 2017. № 3. С. 8–17.

Таблица 1

ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕН И ОБЪЕМОВ ПОСТАВОК ОСНОВНЫХ ЭКСПОРТНЫХ ТОВАРОВ В 2017 Г.

КОД ТН ВЭД	Название позиции	Цена		Изменение цены, %	Изменение физ. объемов, %	Изменение стоим. объемов, %	Доля в экспорте в 2017, %
		2016	2017				
<i>Продовольственные товары:</i>							
1001	Пшеница и меслин, долл./т	166	175	5	30	37	1,6
<i>Топливо:</i>							
2701	Уголь каменный, долл./т	54	75	39	9	52	3,8
2709	Нефть сырая, долл./т	289	369	28	-1	27	26,0
2710	Нефтепродукты, долл./т	295	392	33	-5	27	16,2
2711110000	Газ природный сжиженный, долл./куб.м	120	130	9	1	9	0,9
2711210000	Газ природный, долл./тыс.куб.м	157	181	15	6	22	10,6
<i>Химическая продукция:</i>							
3102	Удобрения минеральные азотные, долл./т	170	182	7	0	8	0,7
3104	Удобрения минеральные калийные, долл./т	196	193	-1	16	15	0,6
3105	Удобрения минеральные смешанные, долл./т	282	262	-7	13	5	0,8
2814100000	Аммиак безводный, долл./т	226	228	1	-13	-13	0,2
4002	Каучук синтетический, долл./т	1314	1709	30	4	35	0,5
<i>Древесина и изделия из нее:</i>							
4403	Лесоматериалы необработанные, долл./куб.м	67	75	12	-3	9	0,4
4407	Лесоматериалы обработанные, долл./т	197	221	13	11	25	1,1
4412	Фанера клееная, долл./куб.м	385	446	16	1	17	0,3
4702–4704	Целлюлоза древесная, долл./т	464	522	12	-2	11	0,3
4801	Бумага газетная, долл./т	403	416	3	6	9	0,1
<i>Металлы и изделия из них:</i>							
72	Черные металлы, долл./т	326	442	36	-2	33	5,2
72 (кроме 7201–7204)	Черные металлы (кроме чугуна, ферросплавов, отходов и лома), долл./т	347	482	39	-3	35	3,9
7201	Чугун, долл./т	228	338	48	-6	39	0,5
7202	Ферросплавы, долл./т	1595	1761	10	-3	8	0,4
7207	Полуфабрикаты из углеродистой стали, долл./т	295	419	42	-5	35	1,7
7208–7212	Прокат плоский из углеродистой стали, долл./т	371	528	42	-3	38	1,3
7403	Медь рафинированная, долл./т	4703	6181	31	15	52	1,0
7502	Никель необработанный, долл./т	9173	10145	11	-27	-19	0,4
7601	Алюминий необработанный, долл./т	1433	1703	19	-8	10	1,5

Источник: расчеты авторов на основе данных ФТС.

Стоимостные объемы экспорта машин, оборудования и транспортных средств увеличились на 3,78 млрд долл. до 28,1 млрд долл. (15,5%). Экспорт группы *другие товары* увеличился на 1,83 млрд долл. (33,3%).

Цены импорта

Из табл. 2 видно, что объем импорта всех десяти товарных отраслей увеличился на 6–38%. Физические объемы выросли для 19 из 22 основных товарных позиций.

Таблица 2

ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕН И ОБЪЕМОВ ПОСТАВОК ОСНОВНЫХ ИМПОРТНЫХ ТОВАРОВ В 2017 Г.

КОД ТН ВЭД	Название позиции	Цена		Изменение цены, %	Изменение физ. объ- емов, %	Изменение стоим. объемов, %	Доля в импорте в 2017, %
		2016	2017				
<i>Продовольственные товары:</i>							
0201-0204	Мясо свежее и мороженое, долл./т	2 822	3 211	14	3	17	0,90
0207	Мясо птицы свежее и мороженое, долл./т	1 413	1 582	12	2	14	0,16
0302-0304	Рыба свежая и мороженая, долл./т	2 734	2 658	-3	20	16	0,50
0402	Молоко и сливки сгущенные, долл./т	2 160	2 173	1	4	5	0,23
0405	Масло сливочное, долл./т	3 794	5 364	41	-3	37	0,23
0805	Цитрусовые, долл./т	760	760	0	2	2	0,52
0901	Кофе, долл./т	3 012	3 370	12	11	24	0,28
0902	Чай, долл./т	3 335	3 110	-7	3	-4	0,23
170112 - 170114	Сахар-сырец, долл./т	425	646	52	-94	-92	0,00
1701991000	Сахар белый, долл./т	533	475	-11	-9	-19	0,05
1801	Какао-бобы, долл./т	3 318	2 550	-23	12	-14	0,06
1806	Продукты, содержащие какао, долл./т	4 580	4 645	1	32	34	0,20
22	Напитки алкогольные и безалко- гольные	-	-	-	-	37	1,09
2402	Сигареты и сигары	-	-	-	-	-7	0,07
<i>Топливо:</i>							
2701	Уголь каменный, долл./т	13	21	61	14	84	0,21
2710	Нефтепродукты, долл./т	1 134	1 279	13	3	17	0,38
<i>Медикаменты и химическая продукция:</i>							
2941	Антибиотики	-	-	-	-	13	0,05
3003-3004	Медикаменты	-	-	-	-	21	3,76
3808	Химические средства защиты растений, долл./т	6 406	6 864	7	12	20	0,39
4001-4002	Каучук натуральный и синтетический, долл./т	1 759	2 165	23	9	35	0,19
<i>Одежда и обувь:</i>							
61-62	Одежда	-	-	-	-	25	2,88
6403	Обувь кожаная, долл./пар	24,4	29,9	22	14	40	0,68
<i>Металлы и изделия из них:</i>							
72	Черные металлы, долл./т	650	715	10	45	59	2,11
72 (кроме 7201-7204)	Черные металлы (кроме чугуна, ферросплавов, отходов и лома), долл./т	673	743	10	44	59	1,83
7304-7306	Трубы стальные, долл./т	1 546	1 453	-6	50	41	0,46
<i>Машины, оборудование и транспортные средства:</i>							
84-90	Машины и оборудование	-	-	-	-	28	48,27
8703	Автомобили легковые, тыс. долл./шт.	22,56	25,0	11	0	11	2,93
8704	Автомобили грузовые, тыс. долл./шт.	50,8	62,8	24	57	94	0,87
9401-9403	Мебель	-	-	-	-	24	0,73

Источник: расчеты авторов на основе данных ФТС.

В группах, входящих в *продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье*, наблюдались разнонаправленные изменения, хотя для большинства товаров произошло увеличение цен импорта и физических

объемов поставок. Совокупный объем импорта этой товарной отрасли составил 28,8 млрд долл., увеличившись на 15,7% по сравнению с уровнем 2016 г. Отметим рост стоимостных объемов импорта мяса и рыбы (на 14–17%). Практически полностью прекратился импорт сахара-сырца (снижение на 94%) и резко выросли его цены, что вызвано административными действиями по предотвращению беспощинного ввоза сахара на территорию России через страны-партнеры по ЕАЭС¹.

Совокупный стоимостной объем импорта *медикаментов и химической продукции* увеличился до 40,3 млрд долл. (на 19,2%).

Почти в полтора раза вырос импорт *черных металлов и стальных труб*, хотя цены импорта в этой товарной отрасли имели разнонаправленную динамику. Совокупный рост товарной отрасли «металлы и изделия из них» составил 37,3%, увеличившись до 15,6 млрд долл.

Увеличение стоимостных объемов импорта *машин, оборудования и транспортных средств* составило 27,8%. Совокупный объем данной товарной отрасли вырос до 110,3 млрд долл., что составляет 48,6% от совокупного импорта. Физический объем импорта легковых автомобилей сохранился на уровне прошлого года, а грузовых увеличился на 57%.

Географическая структура товарооборота

В 2017 г. практически сошла на нет тенденция последних лет к снижению доли ЕС (и ЕАСТ) и росту доли стран АТЭС в российском экспорте и импорте. Доля стран ЕС в товарообороте снизилась за год всего на 0,6 п.п., составив в 2017 г. 42,2%, что на 7,4 п.п. ниже, чем в 2013 г. (табл. 3). Доля стран АТЭС в 2017 г. составила 30,5%, что на 0,6 п.п. выше, чем годом ранее и на 5,7 п.п. выше, чем в 2013 г. Рост доли стран АТЭС в первую очередь связан с развитием торговли с Китаем (рост на 4,4 п.п. в товарообороте за 4 года).

Доля Украины в товарообороте России стабилизировалась на уровне 2,2%, что значительно ниже доли до ухудшения двусторонних отношений².

Доля ЕАЭС в товарообороте России продолжает увеличиваться (на 0,19 п.п.), что в основном связано с увеличением доли Казахстана (на 0,12 п.п.).

Таблица 3

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТОВАРООБОРОТА РОССИИ В 2013–2017 ГГ. ПО ОСНОВНЫМ СТРАНАМ – ТОРГОВЫМ ПАРТНЕРАМ

Регион/страна	Доля в товарообороте России, %					Изменение, п.п. 2017 к 2016
	2013	2014	2015	2016	2017	
ЕС	49,6	48,1	44,8	42,8	42,2	-0,64
Украина	4,7	3,5	2,8	2,2	2,2	+0,01
Турция	3,9	4	4,4	3,4	3,7	+0,34
Норвегия	0,3	0,3	0,3	0,3	0,2	-0,06

1 Ведомости от 13 сентября 2017 г. «Россия ограничит импорт сахара из Казахстана и Белоруссии» <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/09/13/733523-ogranichit-import-sahara>

2 Подробнее о рисках и последствиях ухудшения двусторонних отношений для товарооборота см.: Казарян М.О., Кнобель А.Ю. Риски и возможные последствия прекращения торгово-экономического сотрудничества для предприятий России и Украины // Российское предпринимательство. – 2016. – Том 17. – № 2. – С. 155–166. – doi: 10.18334/рр.17.2.2205

Таблица 3, окончание

Регион/страна	Доля в товарообороте России, %					Изменение, п.п. 2017 к 2016
	2013	2014	2015	2016	2017	
Швейцария	1,4	0,9	0,9	1,1	1,0	-0,02
АТЭС, в том числе:	24,8	26,9	28,1	29,9	30,5	+0,57
Китай	10,5	11,3	12,1	14,1	14,9	+0,76
США	3,3	3,7	4,0	4,3	4,0	-0,29
Япония	3,9	3,9	4,1	3,4	3,1	-0,30
Республика Корея	3,0	3,5	3,4	3,2	3,3	+0,07
Вьетнам	0,5	0,5	0,7	0,8	0,9	+0,08
СНГ, в том числе:	13,4	12,3	12,5	12,3	12,4	+0,10
ЕАЭС, в том числе:	7,4	7,2	7,9	8,5	8,7	+0,19
Армения	0,2	0,2	0,2	0,3	0,3	+0,01
Белоруссия	4,1	4,1	4,5	5,1	5,2	+0,05
Казахстан	2,8	2,7	2,9	2,8	3,0	+0,12
Киргизия	0,3	0,2	0,3	0,3	0,3	+0,01

Источник: расчеты авторов на основе данных ФТС.

3. КАКОЙ КУРС РУБЛЯ НУЖЕН РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 2018 ГОДУ

С.Цухло

Российская промышленность после девальвации рубля в конце 2014 г. уже более трех лет «живет» при новом курсе национальной валюты и в условиях его свободного формирования. Эти годы позволили всем участникам процесса накопить практический опыт существования в новых условиях, на деле проверить прежние (теоретические) представления о последствиях девальвации рубля для российской экономики, адаптироваться в 2015–2017 гг. к фактическому курсу национальной валюты и сформулировать свои представления о его желаемых параметрах в 2018 г.

Девальвация декабря 2014 г. стала серьезным испытанием для российской промышленности – в феврале 2015 г. укрепление рубля вышло на 1-е место в рейтинге желаемых антикризисных мер, по версии промышленных предприятий. Этот результат выглядит логичным с учетом результатов опросов 2012–2014 гг., когда резкая девальвация рубля считалась антикризисной мерой только 1–4% предприятий.

Первые признаки негативного отношения большинства российских промышленных предприятий к ослаблению национальной валюты побудили нас в 2015 г. начать мониторинг желательного для промышленности изменения курса рубля. В декабре 2017 г. российским предприятиям в четвертый раз за этот период был задан вопрос о желательном для промышленности изменении курса рубля, способствующем росту внутреннего спроса на продукцию предприятий, росту экспортного спроса, снижению себестоимости выпускаемой продукции, росту инвестиций и конкурентоспособности. Итоги последнего опроса полностью подтвердили результаты трех предыдущих и выглядят логично в условиях российской экономики 2014–2018 гг.

Промышленность России нуждается в ослаблении рубля от текущих (декабря 2017 г.) уровней только для роста экспортного спроса на выпускаемую продукцию. Позитивная динамика других вышеперечисленных показателей чаще связывается предприятиями с укреплением курса рубля. Однако и ослабление рубля будет стимулировать рост экспортного спроса в 2018 г. только у четверти российской промышленности – той, которая традиционно экспортирует или надеется начать экспортировать. Большая часть промышленности (37%) не может сейчас рассчитывать на реализацию своей продукции за рубежом. Другая часть предприятий (22%) нуждается в стабильном курсе рубля, что позволит лучше планировать экспортную активность. Расчет традиционных балансов показывает, что желаемое промышленностью ослабление рубля для возможного роста экспорта не столь интенсивно, как можно было бы представить. Потребность же в укреплении рубля гораздо сильнее (рис. 1).

В наибольшей степени укрепление рубля в 2018 г. было бы желательно с точки зрения предприятий для снижения их издержек. Такая ситуация логична в условиях высокой зависимости российской промышленности

от закупок импортного оборудования и сырья. В 2014 г. около 40% предприятий заявляли, что они не откажутся от таких закупок ни при каком повышении цен на импорт. Сейчас о необходимости укрепления рубля для снижения издержек заявляют 54% предприятий. А не зависими от курса свои издержки считают только 21% предприятий (в 2015 г. уровень такой независимости составлял 15%).

Рост инвестиций тоже связывается с укреплением курса рубля. Правда, не таким интенсивным, как для снижения издержек. Этот факт может объясняться тем, что в период наших наблюдений российская промышленность демонстрировала слабую инвестиционную активность. Тем не менее высокая стоимость оборудования поставлена промышленностью на 2-е место в рейтинге помех инвестиционной активности в начале 2018 г. А масштабы импортозамещения в области закупок машин и оборудования по результатам нашего очередного ежеквартального замера импортозамещения в январе 2018 г. показывают затухание этого процесса в российской промышленности.

Если во II квартале 2015 г. о снижении физической доли импортных машин и оборудования в своих закупках сообщали 30% предприятий, то к IV кварталу 2017 г. показатель снизился до 7%. Российская промышленность, похоже, «выбрала» все (или попробовала это сделать), что производится на территории РФ, и больше не может (не хочет) с прежней интенсивностью снижать долю импорта вкупаемом оборудовании из-за отсутствия производства на территории страны или неудовлетворительного качества производимого в РФ оборудования.

Уровень адаптации инвестиционных планов российской промышленности к текущему курсу рубля составляет сейчас 20%, т.е. пятая часть предприятий вполне удовлетворена своими результатами импортозамещения в этой области, запустила или планирует запустить инвестиционные проекты в новых ценах на оборудование, просчитала возможности сбыта своей продукции и ценовую политику. И больше не нуждается в изменении курса рубля, в том числе с учетом адаптации покупателей своей продукции к новому курсу национальной валюты.

Однако заметим, что уровень адаптации инвестиционной активности российской промышленности к текущему курсу до сих пор значительно уступает потребности в укреплении рубля для активизации инвестиционных процессов. Если за сохранение курса высказалось 20% предприятий, то в укреплении курса сейчас нуждаются 48%, которым это позволит активизировать инвестиционные процессы в 2018 г., т.е. число предпочитающих укрепление рубля в 2,4 раза превосходит долю тех, кто склоняется в пользу стабильности существующего курса. Причем в предыдущие годы соотношение желавших укрепления рубля и его сохранения на прежнем уровне еще более очевидно складывалось в пользу первых. В 2017 г. – 49 против 16, в 2016 г. – 73 против 8, в 2015 г. – 61 против 12.

Если фактическое отношение российских промышленных предприятий к курсу рубля с точки зрения его влияния на экспортный спрос,

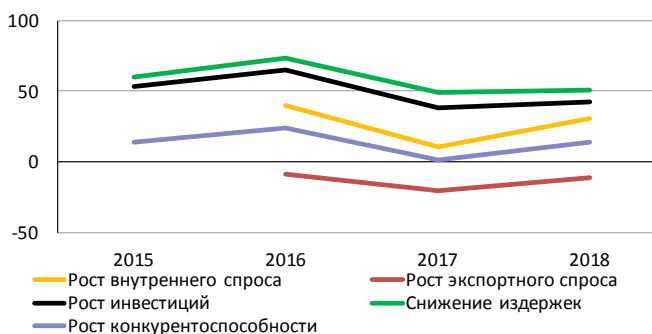

Рис. 1. Балансы нужных промышленности изменений курса рубля для формирования позитивной динамики основных показателей, 2015–2018 гг., % пункты

издержки и инвестиции получило признание как аналитиков, так и чиновников, то отношение промышленности к курсу с точки зрения его влияния на внутренний спрос с трудом вписывается в устоявшиеся представления о пользе девальвации. Мониторинг желаемого промышленностью изменения курса рубля для роста внутреннего спроса всегда показывал, что российские предприятия нуждались в укреплении курса и, следовательно, в удешевлении импорта – причем и закупаемого самой промышленностью, и конкурирующего с производимой этой промышленностью продукцией.

Возможное объяснение этого феномена тем, что предприятия просто не понимают влияния курса на российскую промышленность, вряд ли стоит принимать во внимание – новейший экономический опыт позволил нашей промышленности оценить условия деятельности и при укреплении курса, и при его ослаблении. Сомнения в квалификации респондентов опросов Института Гайдара тоже не выглядят обоснованными, поскольку наши исследования проводятся уже более 25 лет по панели, 90% которой состоит из директоров, заместителей директоров и руководителей экономических подразделений предприятий. Вопрос о влиянии курса на внутренний спрос задавался неоднократно, в привычном для респондентов формате и на протяжении длительного периода времени. Полученные результаты вполне стыкуются с итогами других опросов по поводу курса рубля, импортозамещения и девальвации.

В целом, как показали наши опросы, российская промышленность чаще связывала рост внутреннего спроса с укреплением курса, чем с его ослаблением. Особенно велика была потребность в укреплении рубля в начале 2016 г., когда рубль был слабее всего, а промышленность еще не могла выйти из кризиса. Тогда за укрепление рубля, которое должно было, по мнению российских производителей, способствовать росту внутреннего спроса, высказалось 52% промышленных предприятий. И только 12% рассчитывали, что дальнейшее ослабление рубля будет способствовать росту внутреннего спроса. В 2017 г. в связи с укреплением курса и начавшимся выходом из кризиса потребность в укреплении рубля для роста спроса существенно (до 27%) снизилась, но все равно осталась выше потребности в ослаблении рубля (16%). При этом независимость внутреннего спроса от курса рубля была признана тогда 33% предприятий. В конце 2017 г. потребность в укреплении курса рубля в следующем, 2018 г., вновь увеличилась и была необходима 38% предприятий. Ослабление же курса могло стимулировать рост внутреннего спроса, по мнению лишь 7% предприятий. Этот уровень «спроса» на слабый рубль оказался минимальным для 2016–2018 гг.

Полученные в ходе этого мониторинга результаты вполне согласуются с данными другого мониторинга – помех (ограничений) росту выпуска.

Девальвация декабря 2014 г. в 2 раза снизила негативное влияние

Рис. 2. «Курсовые» ограничения роста выпуска российской промышленности, 2014–2018 гг., %

конкуренции с импортом на российскую промышленность и позволила удерживать этот уровень (14–15%) все три последующих года.

Девальвация оказала не только позитивное, но и негативное влияние на российскую промышленность, особенно в начале 2016 г., когда ослабление курса рубля и удорожание импортного оборудования и сырья считалось сдерживающим фактором для роста выпуска 36% предприятий. Однако небольшое укрепление рубля в течение 2016 г. и постепенная адаптация промышленности к новому курсу позволили снизить отрицательное воздействие слабого рубля в 2017 г. до 7%. «Завышенный» же курс рубля мешал росту выпуска только 3% предприятий. ●

4. БАНКОВСКИЕ ВКЛАДЫ И КРЕДИТОВАНИЕ В ЯНВАРЕ 2018 ГОДА: НЕТИПИЧНАЯ ДИНАМИКА

М.Хромов

В январе 2018 г. сбережения домашних хозяйств сократились при росте задолженности по банковским кредитам, что является необычной динамикой для первого месяца года. Показатели потребления – оборот розничной торговли и расходы на платные услуги – продолжали расти. Население стремится поддерживать сколько-нибудь приемлемый уровень жизни, мобилизуя все имеющиеся финансовые возможности.

В январе 2018 г. банковские вклады физических лиц сократились более чем на 500 млрд руб. в номинальном выражении. Если на 1 января 2018 г. объем сбережений на банковских вкладах населения достиг рекордных 26,1 трлн руб., то месяцем позже он упал до 25,6 трлн руб. Частично это объясняется январским укреплением национальной валюты. За месяц обменный курс рубля вырос на 2,5% к доллару, обусловив уменьшение рублевого эквивалента сбережений в иностранной валюте. Однако даже с поправкой на динамику обменного курса сокращение банковских вкладов остается значительным: 381 млрд руб., или 1,5% общего объема средств населения, размещенных в банковской системе.

Большая часть оттока вкладов пришлась на рублевые счета и депозиты населения, объем которых уменьшился за месяц на 452 млрд руб. Вклады в иностранной валюте в пересчете в доллары, наоборот, даже немного выросли с 93,3 до 94,5 млрд долл.

Очевидно, что январское сокращение вкладов во многом связано с новогодним переносом выплат заработной платы, когда вместо первых чисел следующего месяца декабрьская зарплата поступает на счета работников в последние дни декабря и фиксируется в банковской отчетности на начало календарного года. Это подтверждается и структурно: преимущественное сокращение рублевых счетов, а не валютных, которые традиционно носят более долгосрочный характер. Среди рублевых сокращались в основном краткосрочные вклады, размещенные на срок менее 30 дней, включая счета до востребования.

Однако если сравнивать с предыдущим годом, то отток вкладов значительно вырос. За январь 2017 г. номинальный объем вкладов населения в банках уменьшился лишь на 162 млрд руб. Из них на рублевые счета и депозиты пришлось 130 млрд руб. и 32 млрд руб. – на рублевый эквивалент вкладов в иностранной валюте. Так как годом ранее рубль также укреплялся к доллару, то с поправкой на переоценку сокращение средств населения в банках в январе 2017 г. было еще меньше -108 млрд руб., или менее 0,5% от общего объема вкладов на начало 2017 г. Таким образом отток вкладов в январе 2018 г. вырос более чем в 3 раза по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года.

Противоположная картина наблюдается в начале 2018 г. на рынке банковского кредитования населения. Традиционно в январе на кредитном рынке наступает затишье. Даже в периоды активного развития

кредитного рынка январские темпы роста кредитной задолженности населения близки к нулю или даже отрицательны. В январе же 2018 г. объем задолженности физических лиц перед банками вырос на 82 млрд руб., или на 0,7% от общего объема задолженности на начало месяца. Годом ранее, в январе 2017 г. долг населения перед банками, наоборот, сократился на 48 млрд руб. (-0,4%), что являлось более привычной динамикой для первого месяца года.

В чем причина такой нестандартной динамики бюджета домашних хозяйств в январе 2018 г.? По предварительным данным Росстата, реальные располагаемые доходы в январе 2018 г. не изменились по сравнению с январем 2017 г., что означает рост номинальных доходов приблизительно на 2,2%. Однако эти оценки не учитывают разовые выплаты пенсионерам, осуществленные в январе 2017 г. По оценкам Института Гайдара, фактически номинальный объем доходов в январе 2018 г. сократился на 3,5% по сравнению с январем 2017 г., что соответствует реальному падению доходов почти на 6%.

В то же время расходы на конечное потребление¹ в 2018 г. продолжали расти. Так, в январе 2018 г. население потратило на товары и услуги в номинальном выражении на 5,5% больше, чем годом ранее. Если в январе 2017 г. отношение потребительских расходов к денежным доходам составляло 84%, то в январе 2018 г. – уже 92%. Очевидно, что такое соотношение могло быть обеспечено только значительным сокращением сбережений. С экономической точки зрения такое поведение не является рациональным и создает дополнительные риски устойчивости финансового баланса домашних хозяйств. Однако результаты первого месяца года в дальнейшем могут быть скорректированы.

В перспективе до конца текущего года результаты января 2018 г. закрепляют кредитную модель финансового поведения населения. В 2017 г. только по итогам декабря суммарный объем сбережений домашних хозяйств в банках превзошел прирост кредитной задолженности. До этого момента в течение 2017 г., а особенно во 2 полугодии, приток вкладов населения в банки отставал от увеличения величины кредитной задолженности. В целом за 2017 г. банковские вклады населения увеличились на 900 млрд руб. больше, чем его задолженность перед банками, тогда как еще в январе-ноябре 2017 г. прирост кредитов превосходил прирост вкладов. В результате получается, что население – чистый кредитор, депозитов гораздо больше, чем кредитов.

В январе 2018 г. чистый прирост кредитов банкам населению (прирост кредитов минус прирост депозитов) достиг 463 млрд руб., тогда как годом ранее этот показатель составлял лишь 60 млрд руб. В ближайшие месяцы ситуация, безусловно, будет выправляться, однако по итогам года чистый вклад домашних хозяйств в ресурсную базу банков, вероятно, окажется заметно меньше, чем в 2017 г., и устойчивость банковского сектора будет в большей степени зависеть от альтернативных источников привлеченных средств – корпоративных клиентов и государства. ●

1 Сумма оборота розничной торговли, расходов на платные услуги и общественное питание.

5. АДАПТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ НАСЕЛЕНИЯ В 2017 ГОДУ

Е.Аврамова, Д.Логинов

Для значительной части населения характерны низкий адаптационный потенциал и реализация пассивных адаптационных стратегий. В то же время усилия, выраженные в активных формах адаптационного поведения, существенно расширяют возможности повышения уровня жизни.

Неблагоприятная экономическая ситуация вынудила значительную часть населения предпринимать действия адаптационного характера с тем, чтобы повысить уровень жизни или, по крайней мере, не допустить его дальнейшего снижения.

Исследование адаптационных стратегий населения, осуществленное ИНСАП РАНХиГС в 2017 г.¹, потребовало, во-первых, оценки адаптационного потенциала различных социальных групп, во-вторых, определения рисков снижения уровня жизни и степени их концентрации в различных социальных средах и, в-третьих, анализа собственно адаптационных стратегий.

Интегральный индекс адаптационного потенциала был построен путем суммирования основных ресурсов адаптации: а) размера текущих доходов; б) размера сбережений, наличия недвижимости в виде второго жилья; в) наличия профессионального образования; г) включенности в социальные связи. Расчеты привели к выводу о дифференциации населения в соответствии с уровнем адаптационного потенциала. Его высоким уровнем обладают 20,4% населения, средним – 40,4% и низким – 39,2%.

Среди россиян с высоким адаптационным потенциалом наиболее высока доля людей моложе 45 лет, жителей средних и крупных городов, получивших высшее образование, имеющих работу и занимающих позиции руководителей и высококвалифицированных специалистов.

По своему социально-демографическому составу и характеру занятости часть населения со средним адаптационным потенциалом близка к генеральной совокупности, т.е. такой уровень возможностей адаптации является типичным для всего общества.

Среди россиян с низким адаптационным потенциалом в наибольшей степени представлены люди старших возрастов, жители сел и малых городов, без высшего образования, неработающие, а среди занятых – рабочие различного уровня квалификации, а также рядовые работники торговли и бытового обслуживания.

Обнаружена связь интегрального индекса адаптационного потенциала с динамикой материального положения в период кризиса. Так, у большинства (68,4%) тех, кто характеризуется высоким адаптационным потенциалом, материальное положение не ухудшилось, а у 31,4% даже

¹ Методом телефонного анкетного опроса, по репрезентативной для взрослого населения России выборке, опрошено 3000 респондентов.

улучшилось. Среди респондентов с низким адаптационным потенциалом, наоборот, почти половина (47,5%) отметили ухудшение положения, а хоть о каком-то улучшении говорил лишь каждый десятый представитель этой части населения.

Нами был построен интегральный показатель рисков снижения уровня жизни путем суммирования основных рисков, связанных с: а) профессиональной сферой; б) иждивенческой нагрузкой; в) вероятностью ухудшения жилищных условий; г) долговой нагрузкой. Определились группы с низкой (26,3%), средней (48,2%) и высокой (25,5%) концентрацией основных рисков.

В группе с высокой концентрацией основных рисков женщины встречаются чаще мужчин. Сравнительно большая часть этой группы относится к наиболее активным во всех смыслах возрастам: медианный возраст составляет 40 лет при 45 годах по массиву в целом. Здесь же сконцентрированы преимущественно городские жители, без высшего образования, без постоянной работы (в первую очередь это неработающие трудоспособного возраста) и со среднедушевыми доходами, не превышающими медианных в их типах поселений.

Были исследованы наиболее распространенные адаптационные стратегии россиян, которые практиковались ими в течение последних 2–3 лет. Полученные данные свидетельствуют о том, что выбор адаптационных действий в условиях резких изменений социально-экономической ситуации в стране россияне совершали, во-первых, исходя из того, на каком жизненном этапе они находились, а, во-вторых, на основе оптимизации имеющихся ресурсов. При наличии ресурсов люди чаще всего их задействовали, а при отсутствии – привлекали со стороны. Стратегия привлечения внешних ресурсов (займы, кредиты и пр.) применялась в группах, в которых в наибольшей степени концентрировались риски снижения уровня жизни.

Инвестиционно-сберегательную стратегию практиковали многие. Подавляющему большинству в кризисное время пришлось тратить накопленные ранее сбережения, однако представители данной группы стремились вернуться к накоплению в любой удобный момент. Помимо этого, трата накопленного стала одной из возможностей защиты от инфляции. Хотя оценить распространенность такой мотивации не представлялось возможным, из наших данных следует, что представления, как инвестировать свои средства, чтобы уберечь их от инфляции, имели не более четверти опрошиваемых. Именно это, по нашей гипотезе, наряду с низкой финансовой грамотностью и отсутствием навыков долгосрочного планирования, является существенным барьером на пути повышения инвестиционной активности населения.

Стратегия повышения трудовых нагрузок путем сверхурочной или дополнительной работы широко распространена среди работающих россиян как наиболее доступный способ сохранения или повышения доходов. При этом говорить об эффективности данной стратегии можно только применительно к специалистам высшей квалификации, а также рядовым работникам торговли и бытового обслуживания, для которых мы смогли зафиксировать реальный выигрыш в заработках на фоне остальных представителей тех же профессиональных групп.

Стратегия изменений в профессиональной сфере (наращивание человеческого капитала, смена работы и/или профессионального статуса)

наиболее распространена среди населения в возрасте до 40 лет. Если говорить о барьерах на пути более широкого распространения этой стратегии, то основным из них является недостаточная вовлеченность населения в процессы непрерывного профессионального образования.

Миграционная стратегия оказалась наименее распространенной из всех рассмотренных. Миграционным настроениям чаще подвержены представители наиболее квалифицированных и обеспеченных групп населения: лица с высшим образованием, высоким адаптационным потенциалом, занимающие руководящие позиции.

Ведение личного подсобного хозяйства (ЛПХ) является значимым элементом адаптационных стратегий, в основном для жителей сельской местности и малых городов.

В целом полученные данные позволяют предложить следующую классификацию адаптационного поведения:

- отсутствие адаптационного поведения – 37,0%;
- активное адаптационное поведение (одного или нескольких видов) – 29,2%;
- активное адаптационное поведение, дополненное использованием ЛПХ – 23,0%;
- активизация использования ЛПХ без других видов адаптационного поведения – 10,8%.

Наибольшая доля тех, кто не пострадал от негативных явлений в экономике, сосредоточена среди представителей группы, демонстрирующей активное адаптационное поведение. Среди этой же группы меньше всего тех, кого кризис затронул в сильной степени. Отсутствие же адаптационного поведения характерно для двух противоположных групп населения – для тех, кого негативные экономические эффекты практически не затронули, и тех, кто не имел никаких адаптационных ресурсов или имел их в минимальной степени.

Активное адаптационное поведение существенно повышает жизненные шансы, но не гарантирует повышение уровня жизни. Так, из тех, кто реализует активные адаптационные стратегии, 18,4% рассчитывают в будущем на повышение материального статуса, а 12,4% ожидают его ухудшения. ●

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

Авраамова Е., заведующая лабораторией исследований социального развития ИНСАП РАНХиГС

Божечкова А., заведующая лабораторией денежно-кредитной политики Института Гайдара, старший научный сотрудник Центра изучения проблем центральных банков ИПЭИ РАНХиГС

Кнобель А., заведующий лабораторией международной торговли Института Гайдара, директор Центра исследований международной торговли ИПЭИ РАНХиГС

Логинов Д., старший научный сотрудник лаборатории исследований социального развития ИНСАП РАНХиГС

Трунин П., руководитель Научного направления «Макроэкономика и финансы» Института Гайдара, ведущий научный сотрудник Центра изучения проблем центральных банков ИПЭИ РАНХиГС

Фиранчук А., старший научный сотрудник лаборатории исследований международной торговли ИПЭИ РАНХиГС

Хромов М., заведующий лабораторией финансовых исследований Института Гайдара, старший научный сотрудник лаборатории структурных исследований ИПЭИ РАНХиГС

Цухло С., заведующий лабораторией конъюнктурных опросов Института Гайдара